

АНДРЕЙ СЕННИКОВ

Остров под звездами

THE ISLAND UNDER THE STARS

Андрей Сенников
Остров под звездами.
The island under the stars

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27057380
ISBN 9785448587603*

Аннотация

Когда-то обстоятельств злая сила Заставила покинуть сердцу милые места, Животный страх, тревогу в ум мой вбила, Поддался ей, бежал. И начал жить вновь с чистого листа. Вдали от родины обрел покой, свободу, До дней своих конца мечтал я так вот жить, Шум океана, солнце, райскую природу Готов был искренне от всей души благодарить. Но снова надо мной сгустились тучи Предательства и мести грозные облака, Опять бежать или принять бой? Что лучше? Трястись как заяц? Драться с гордостью испанского быка...

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Остров под звездами

The island under the stars

Андрей Сенников

© Андрей Сенников, 2018

ISBN 978-5-4485-8760-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Что-то изменилось в моих ощущениях, что-то заставило меня вынырнуть из своей полудремы и попытаться разобраться и понять наполовину еще спящим сознанием причину внезапного пробуждения.

Это как спать в междугороднем автобусе во время движения, не просыпаясь на поворотах и ухабах, зная, что твоя остановка еще не скоро, и тебе не мешают ни разговоры попутчиков, ни музыка, льющаяся по салону из динамиков в обшивке, ни натужный гул двигателя. Но стоит этому двигателю замолчать, сразу сон снимает как рукой и мозг понимает: что-то не так, что-то не по плану...

Вот и сейчас я пробудился так и, насторожившись, начал анализировать.

Что поменялось снаружи? Так же темно, как и три часа назад, когда я укладывался спать. Такой же монотонный скрип деревянных балок и шелест брезента на легком ветру. Всплеск воды с такими же интервалами, как и раньше, но немного изменилась тональность ударов волн о борта моего самодельного плота. Они стали резче и громче.

Стоп, я, кажется, понял, я почувствовал, что было не так: плот почти не качается, только при очередном наплыве волны он не перекачивается плавно с одной стороны на другую, а встречает её как бы в штыки, сопротивляясь удару, воз-

мущаяся, как живое существо. Ошарашенный своей догадкой, я резко вскочил и тут же рухнул назад на свой лежак, чуть не потеряв сознание, ударившись головой о перекладину, поддерживающую тент над моим укрытием. Потом долго не мог сориентироваться в темноте и найти край откидывающегося полога, чтобы выбраться наружу.

Хоть я и смирился со своим положением мореплавателя без особых навыков и познаний в науке судоходства и даже толком не мог управлять своим средством передвижения по водной глади, но все же мне моё нынешнее положение нравилось и мысль о том, что это плавание может вдруг закончиться, заставляла трепетаться сердце в досадном волнении.

Выбравшись наружу, я в темноте увидел тысячи звёзд на небе и тысячи в отражении океана и только приглядевшись, заметил пробел в этом мерцании. Черной полосой и влево и вправо от носа плота отходила тонкая, не больше пяти-семи метров в ширину, полоска суши, покрытая песком. Вправо полоса уходила серпом вдаль, становясь тоньше и сливаясь с черным небом и такой же черной водой, исчезала в звездном зеркале. Влево силуэт линии берега заканчивался какой-то огромной и высокой тенью, но расстояние во мраке было не определить. Я сразу не решился ступить с носа своего «океанского лайнера» на берег в полной темноте.

Постоял с минуту в нерешительности, прислушиваясь

к звукам окружающего меня нового и таинственного мира, но ничего необычного не услышал, кроме привычного шума океана. Вернулся в свою берлогу, достал из рюкзака, стоящего у изголовья лежака, фонарь, которым очень дорожил и гордился, вылез обратно на нос плота. Яркий, мощный луч осветил полосу суши перед ногами и я, решившись теперь окончательно, прыгнул на влажный от прибоя песок.

Это необычное ощущение, когда на твердой, незыблемой поверхности чувствуешь себя, словно младенец, делающий свои первые шаги. Почему-то не можешь найти равновесие, тело заставляет тебя покачиваться, вестибулярный аппарат, привыкший за два с половиной месяца к постоянной качке на водной глади океана, отказывается понимать уже, что есть что-то неподвижное, называемое сушей.

Первым делом я осветил песок по всей ширине косы, выискивая какие-нибудь следы. Страх и инстинкт самосохранения действовал, кажется, быстрее разума и рассудительных мыслей. Человек для меня в сложившейся ситуации был опасностью номер один, на втором месте остальные хищники этой планеты.

На полном серьёзе: выхватил бы на песке луч фонаря хоть какой-то намек на присутствие здесь человека, отчалил бы мой плотик незамедлительно в поисках другого безлюдного места в необъятных водных просторах. Но, пошарив фонарем по поверхности, не обнаружил ничего настораживающего. Решил посветить в сторону нависающей тени... и вдруг,

как током шархнуло! Быстро выключил фонарь и присел. Вот я дурак. Свет фонаря, да ещё такого мощного и яркого, был виден на многие километры! Я точно спалился! Меня точно заметили, ко мне точно уже идут... нужно отчаливать, пока есть время уплыть... Паника, страх, холодный пот пробили тело...

А если не заметили, не обратили внимания, кому какое дело, кто там светит фонарем? Может, показалось? Да и вообще, ночь на дворе, это же не зона или военный объект!

А вдруг зона? Засада? Меня только и ждали...

Тьфу, да кому ты нужен? Да ты и сам толком не знаешь, где находишься, а тебя именно тут ждут... Успокойся, без паники, тихо, дыши ровно... вот так, хорошо...

Приступ панического страха медленно, но отступал.

Фонарь я больше не включал. Тихонько, крадучись как кошка, перелез на свой безопасный и родной плот и постарался вжаться, влиться в тент навеса, став с ним одним целым, при этом, не выпуская из виду триста шестьдесят градусов и земли, и неба. Кажется, глаза вылезли из орбит, а уши превратились в огромные лопухи-локаторы, которые стали двигаться по направлению подозрительных звуков отдельно от головы, как у хищников. Так, просидев в неестественной для себя позе около получаса и не обнаружив за собой ни погони, ни слежки, я стал потихоньку успокаиваться, сполз по тенту до самого пола, принял полулежачее положение. Теперь уже в более удобной позе, не переставая созерцать

темноту в направлении появления вероятного противника, незаметно погрузился в сон.

И снилось мне, как я внимательно наблюдаю за звездами, которые пытались меня перехитрить, передвигаясь быстро по небу, когда я на них не смотрел...

Проснулся я от того, что солнце играло бликами на моем лице, было тепло и комфортно, хотелось еще понежиться, не открывать глаза. Но после того, как в памяти всплыли переживания ночи, сон исчез мгновенно. Я приподнялся на локтях и осмотрелся. Песчаная коса стала шире, плот стоял полностью на берегу и уже немного обсох. Грозная тень оказалась остроконечной скалой, плавно уходящей на подъем с моей стороны и резко обрываясь с обратной, насколько я мог видеть со своего наблюдательного пункта. До скалы было прилично, около километра, поэтому о реальных размерах сказать ничего не мог, навскидку, высота до вершины была метров триста-четырееста. Что дальше за этой горой – еще предстоит выяснить. По-видимому, плот ночью прибило во время прилива, затем, когда вода ушла, он оказался довольно далеко от линии прибоя. Сама же песчаная коса теперь была шириной метров сорок в том месте, где я находился сейчас.

Остров. Так я его представляю с высоты птичьего полета.

От скалы она тянулась полукругом на несколько километров. С высоты птичьего полета, наверное, это выглядело как полумесяц или запятая с очень вытянутой петлей. Мне предстояло обследовать этот клочок суши и, может быть, он станет моим домом, в противном случае поплыву дальше по необъятной водной глади в поисках очередного, более подходящего пристанища. Слава Богу, плот оказался крепким и надежным, хоть и был сколочен из простой доски и набит мешками с пластиковыми бутылками.

Быстро, приглушив голод парой галет и запив водой, засобирался в разведку. На пояс повесил нож в ножнах, в руках мачете, в кармане сигнал охотника и десяток запалов к нему. Другого оружия у меня не было. Рогатку и духовую трубку с дротиками я за оружие не считал, так, ребячество, но оставалось место на плоту, поэтому грузил всё подряд, что находил ценного у друга в гараже, перед самым стартом. Подводное ружьё на суше вряд ли поможет, да и разобрано оно и запаковано хорошо в вещах. Решил, невзирая на жару, натянуть на ноги ботинки и военные грубые штаны, а на тело ветровку с капюшоном, ведь не известно, где придется пробираться, вон, сколько зелени у основания горы.

Не спеша пошел по косе в сторону скалы зигзагами от берега до берега, изучая внимательно всё вокруг и под ногами. Вспомнил, что забыл флягу с водой. Пришлось вернуться. Без воды ни шагу, особенно в условиях жесткого дефици-

та оной. Главное – найти на острове пресную воду. Пополнить запасы требуется обязательно, иначе скоро будет мне не очень сладко.

Природа здесь только издалека казалась чистой и нетронутой. Песчаная коса была усеяна различным хламом, везде по ходу моего движения встречались нагромождения ветвей и остатков стволов деревьев. Следов отходов жизнедеятельности человека было тоже предостаточно. Пройдя всего метров триста, я насчитал на своем пути с десятков пластиковых бутылок, три веревки с руку толщиной неизвестной длины, так как они были засыпаны песком, а желания вытащить их и померять у меня сейчас не было. Пришлось обходить огромный вал морской веревочной сети зелёного цвета, которая разлеглась практически на всю ширину косы и вросла в песок.

Попадались доски различной длины и ширины, с гвоздями и без, стеклянные и пластиковые буйки с отверстиями для протягивания веревки, пластиковые поддоны для грузов, ящики для бутылок, куски пенопласта различных цветов. Даже пластиковый пляжный стул нашелся, такой, какие выставляют в летних кафе под зонтом. Что удивительно – целый.

В клубке рыболовной сети из лески шевелилась, пытаюсь выбраться, огромная черепаха. Видимо, силы, потраченные на тщетные попытки добраться до воды, уже покидали её. Когда я наклонился над её головой, она взглянула на меня

отсутствующим, ничего уже не выражающим взглядом, даже не попыталась спрятаться в панцирь. Отсутствовал страх в движениях, ей, наверное, уже было всё равно. Черепаха чувствовала скорую смерть. Леска, обвитая вокруг конечностей и шеи, глубоко впиалась в кожу, местами проступали капельки крови. Я достал нож и аккуратно разрезал путы, боясь причинить боль еще живому существу...

Свободная черепаха лежала без движения пару минут, не веря, наверное, в чудесное освобождение, потом с неожиданной прытью поползла к воде и, когда первая волна окатила её измученное тело, на секунду остановилась, повернула голову ко мне, как бы благодаря, а затем исчезла в следующей волне прибоя.

– Плыви, плыви, старая Тортилла, чудеса бывают всё-таки, – сказал я, провожая её взглядом.

Морские течения приносили все выброшенные или утерянные человеком богатства сюда, а гостеприимная коса принимала без разбору всё, что могло доплыть до этих мест. По-видимому, серпообразная форма берега работала как ловушка и притягивала, словно магнитом, всё, что плавает, именно сюда. Ведь и мой плот здесь очутился так же, как и мусор.

Перед основанием скалы песчаный пляж расширился и разошелся в стороны, уступив по центру место плодородной земле, на которой буйной растительностью разгулялась природа. Эта зеленая стена как будто разрежала своим остри-

ем косу надвое, словно ледокол вгрызся в скованный льдом океан.

Чтобы проникнуть в лес или, точнее сказать, джунгли, мне придётся еще найти подходящее место для входа, потому что граница пляжа и джунглей была очерчена обрывом высотой около двух и более метров. Здесь воочию можно было лицезреть многолетнее соперничество воды и земли за захват территории. Океан постепенно подтачивал берег во время штормов, отламывая и растворяя в себе слабо защищенные участки плодородной почвы, а земля боролась за своё жизненное пространство мощными корнями деревьев и кустов, пытаясь отгородить вскрытое своё нутро живым барьером, уменьшая силу удара волн или вовсе сводя на нет очередную атаку водной стихии.

Центральную часть острова я решил исследовать после того, как разведая всё его побережье. Побрел по левому краю, продолжая удивляться хитросплетению корней, что свисали с крутого берега. С этой стороны я всё время видел свой плот, так как коса шла полукругом и скала не закрывала обзора, но небольшое беспокойство было по поводу того, что, когда я начну огибать скалу с другой стороны, плот исчезнет из виду, а на нем было много необходимых вещей для жизни в одиночестве. Их мне не хотелось терять. Перед своим походом я, конечно, его хорошенько закрепил веревкой к стволу мощного, тяжелого дерева, которое давно когда-то принесло течение и укоренило в недрах косы неподда-

леку от моего плавсредства, но сомнения всё равно подтачивали уверенность в своих поступках. Переносить весь свой скарб куда-то тоже было глупо: ведь еще не было известно, безопасно ли вообще это место? Поэтому оставил всё, как есть, и ушел в разведку. Успокаивало то, что ветра не было, волны большой тоже, а небо чистое и безоблачное.

Далеко мне пройти не удалось, песчаный берег начал резко сужаться по ходу движения, прижимая меня к обрыву с корнями, а затем и вовсе к голой скале, пока не привел к отвесу, который сразу уходил со скалы в воду, перекрыв и движение, и обзор. Дальше только вплавь. Но, глядя на мощь волн, бьющихся о скалы, пропало бы желание и у чемпиона по плаванию, и у каскадера, даже за приличный гонорар, переплыть этот мыс. Ничего не поделаешь – придется возвращаться.

Обогнув клин из джунглей, двинулся по правому берегу. Пройдя чуть меньшее расстояние, столкнулся с похожей ситуацией. Здесь пляжная полоса была просто завалена огромными глыбами от обрушившейся части скалы, делая проход невозможным. По крайней мере, я убедился окончательно в том, что это был остров, даже не обойдя его по кругу. Преимущество – наличие дугообразной песчаной косы, которая дала мне осмотреть остров практически со всех сторон.

Осталось разведать центральную часть. Место, где происходило раздвоение косы, было самое низкое и удобное для восхождения в зеленый рай утробы острова. Я выбрал уча-

сток высотой около полутора метров с корнями от пальм, которые были переплетены между собой и отдаленно напоминали лестницу с перилами. Оказалось, что подняться в этом месте очень удобно и легко. Корни протягивались почти горизонтально друг другу, имитировали подобие ступеней, а два толстых ствола, проходящих над всей этой конструкцией, почти по прямой спускались и входили в песок, выполняя функцию перил.

Я поднялся без проблем и очутился в тени деревьев.

Пальмовая роща, показавшаяся мне непролазной издаലെка, на самом деле была довольно редкой. Расстояние между деревьями не меньше трех метров. А когда прошёл вглубь, то чаща стала еще реже, пальм меньше, но больше появилось каких-то кустов и высокой травы. Размашистое дерево, похожее немного на дуб с большими плодами коричневого цвета, оказалось хлебным деревом. Увидав под ногами, по ходу движения, знакомое очертание засохших шкур, поднял голову и увидел над собой гроздь бананов. Да это и впрямь рай! Кокосы, хлебные плоды, бананы! Жить можно. Хотя нет, одними кокосами жажду не утолишь и суп не сварить. Нужен источник пресной воды. Сомнения вкрадывались в душу. Наверняка сюда заплывали странствующие в поисках укромного уголка для жизни.

Они видели эту красоту, обилие еды, ну, по крайней мере, для нескольких человек в достаточном количестве, но, не найдя живительной для организма влаги, покидали ост-

ров. Если нет пресной воды, то нет и перспективы поселения. Я вздохнул и пошел дальше. Еще одно банановое дерево, сильно наклоненное у самого обрыва, со связками бананов. Пожалуй, я смогу дотянуться вон до той грозди. Мне непременно захотелось попробовать их. С четвертого раза мне удалось срубить своим мачете небольшую связку. Бананы были мелкие, в коричневой кожуре. Сам банан сладкий, но в мякоти множество семян, которые непривычно хрустели на зубах. Съев один плод, дальше решил пока не испытывать свой желудок на прочность. Для меня дикий банан с семенами внутри являлся новинкой. Оставшиеся на связке плоды забросил в заплечный рюкзак, где уже покоились три кокоса и один плод хлебного дерева. Привлек внимание куст с красной ягодой, похожей на бруснику или рябину, но брать не стал, как и пробовать, помня одно замечательное правило: не знаешь – не ешь.

Посмотрю в энциклопедии, узнаю о ней побольше, затем пушу в пищу. Внутренняя горная часть острова шла клином, как палуба широкого корабля, повторяя контуры берега, сужаясь в месте, где я поднялся, расширяясь к подножию горы. Постепенно отвесные склоны, поросшие переплетением корней деревьев и кустарников, уступили место каменной гряде, как бы огородив центральную часть острова от вероломства стихии, защитив от ветров внутренний мир. Чем ближе к горе, тем выше каменные берега. Получалась долина, окруженная нерукотворной стеной. Неожиданно у осно-

вания горы обнаружил довольно большое озеро, что заставило екнуть моё сердце. Неужели повезло? Подбежал к воде, зачерпнул ладонью, и... соленая вода досадно обожгла горечью рот и губы.

После минутного замешательства опять вернулся здравый смысл. Если я нашёл, как улизнуть от моих преследователей, то неужели не придумаю, как остаться в этом райском уголке? Лазурные волны и белый песок пустынного пляжа, лёгкий бриз и безоблачное небо, сверкающая под солнцем яркая зелень и пение птиц. А главное, никого вокруг!

Для меня этот остров был идеальным местом пребывания, если бы не отсутствие пресной воды. Можно конечно собирать дождевую, ёмкостей для сбора на плоту предостаточно, я быстро в уме подсчитал литраж всех пластиковых бочек – получилось около девятистот литров, и это не считая пластиковых бутылок. Но проблема в том, что я не знаю, как часто здесь проходят дожди... Размышляя, присел у соленого озера. Стал бросать мелкие камешки в воду. И вдруг я обратил внимание на то, что брызги от далеко брошенных камней, долетая до противоположного берега, смачивали каменный берег и он менял окраску на более тёмную. Стоп, я не кидал вроде бы камни вон туда.

На правом берегу и впрямь камни были темные, а значит и влажные до самого края вверх. Надежда о правильной догадке прокатилась по моему сознанию. Я вскочил на ноги, в несколько прыжков обежал берег и очутился у влажных

камней. Присел на корточки, присмотрелся. Между камнями с уступчика на уступчик двигалась маленькая армада из капелек воды, именно не текла, а двигалась, потому что капли шли как солдаты в строю одна за другой на расстоянии пары сантиметров с одинаковыми интервалом и скоростью по наклонному краю породы, а когда тот заканчивался, повисали на краю на долю секунды и срывались на следующий, на время исчезая из виду, но вскоре появлялись, собравшись снова в единое целое ниже на краю следующего камня, поблескивая радостным отражением солнечного света.

Я лёг на живот, подставил дрожащую от волнения ладонь под срывающиеся капельки, подождал с полминуты и, когда вода стала переливаться через край, осторожно поднес ладонь ко рту и попробовал языком жидкость...

Наверное, глупым показался морским обитателям, волею судьбы оказавшимся возле этого острова, окруженного миллиардами литров воды, радостный крик человека: «УРА!!! ВОДА!!!»

Вода была пресной!

Такой радости я уже не испытывал много лет, даже когда купил свою первую машину.

Казалось, не было ничего вкуснее этого маленького глотка. Как мало мне надо для счастья! Решение было принято мгновенно, и я уже мчался сквозь заросли кустарника, сбивая с их ветвей неизвестные мне пока еще плоды, словно медведь, напуганный охотником. Я даже не удосужился

притормозить у обрыва и культурно спуститься по «лестнице», а прыгнул с разгону на желтый песок, упав и перекатившись через голову, чтобы не терять скорости, помчался дальше к своим пожиткам. Мне не терпелось скорее перебраться в этот райский уголок. Солнце клонилось к закату, и бегущий по песчаной косе человек отбрасывал длинные причудливые тени. Молодая морская черепаха, чуть не ставшая виновницей столкновения с разумным существом, которое, увлѣкшись своим бегом, даже не заметило её, смотрела удивленно вслед удаляющейся фигуре.

Добрался я до своего плота вконец изнеможѣнный. Радостный адреналин выжал из меня все соки, да к тому же вспомнилось, что последние два с половиной месяца вел не очень-то подвижный образ жизни, находясь на небольшом плоту в ограниченном пространстве посреди необъят-

ного океана.

Вовсю шел прилив, он хоть и не достиг своего максимального уровня, но волны изредка уже пытались облизать край плота. Я попытался передвинуть его повыше, дальше от воды, но сил больше не осталось и мои попытки не увенчались успехом, хотя раньше, перед отплытием, мог спокойно тащить по суше, приподнимая немного за веревку край своего ковчега. Ограничился проверкой надежности узлов веревки, связывающей плот и поваленное дерево, и самодельного якоря, выброшенного в песок в противоположную от дерева сторону. Обессиленный, но счастливый, забрался на свое судно, откинул полог тента, второй кусок тента натянул перед входом вертикально между четырех стоек, образовав защиту от ветра в виде буквы п для очага. Быстро развел костер в импровизированной печурке из консервных банок, поставил закипать воду на чай и лапшу, а сам тем временем скинул с себя мокрую от пота одежду, слегка ополоснулся в океане, натянул привычные шорты и майку, на голову одел налобный фонарь и принялся готовиться к ужину.

Стемнело удивительно быстро. Погода портилась, ветер подул сильнее обычного. Когда я заканчивал пить чай, волны уже хорошо прикладывались к бортам плота и брызги долетали до моего лица даже через ветровую защиту. Пришлось снять тент, что бы уменьшить парусность, я его всегда на ночь снимал на всякий случай, а перед разведением огня и готовкой натягивал снова. Эта операция у меня дошла

до автоматизма и не отнимала много времени. Весь ценный груз находился в берлоге, так я ласково называл свою палатку, которая защищала и от ветра, и от дождя, и еще собирала воду в ненастные дни. Снаружи оставалась одна столитровая бочка с водой и три с менее ценными вещами, но они, если так можно сказать, были вмурованы в палубу и так надежно обмотаны веревками, что за них я никогда не волновался. Зачехлив двойной тент входа изнутри, я забрался на свой лежак, выключил фонарь и мгновенно уснул.

Ночью начался шторм. Плот швыряло из стороны в сторону, а я ничего не мог поделать, даже высунуться из своего убежища, боясь, что меня смоеет волной в неизвестность.

Теперь мне не хотелось терять этот клочок суши и оставалось только молиться, чтобы не оторвало веревку от дерева, и плот выдержал натиск стихии.

Уснуть не представлялось возможным, тент надо мной трепетал с такой силой, что казалось, плот не лежит на берегу океана, а летит, переворачиваясь в воздухе, сброшенный с самолета с большой высоты и вот-вот врежется в землю. Несколько раз меня скидывало с лежака на мокрый пол, пришлось держаться за несущие балки руками, чтобы не покалечиться, упираясь ногами. Где-то к середине ночи шторм резко утих. Всё-таки я приобрел несколько ссадин на голове и руках, но они были незначительные, рад был, что вообще еще жив. Выглянул наружу, осветил фонарем вокруг, и, убедившись, что я на том же месте, где был вчера вечером,

лег спать, ибо силы вообще покидали измученное тело.

Проснулся на удивление рано, почувствовав, что тент начал нагреваться с первыми лучами солнца. Вылез наружу, осмотрел плот.

На нем сломало две ветровые балки, оторвало якорь, вырвало с правого бока три доски и из образовавшейся дыры вымыло пару мешков с пустыми бутылками и унесло в неизвестном направлении. Но он выдержал, мой корабль-спаситель. Я гордился творением своих рук.

На косе тоже были заметны изменения. Появились новые предметы. В сотне метров от меня, дальше от острова, маячила полузатопленная металлическая бочка. Стандартная бочка из-под машинного масла или топлива синего цвета. Дальше в том же направлении еще что-то крупное прямоугольной формы лежало на берегу, но я не желал пока заниматься изучением мусорных подарков. Задача номер один: доставить весь свой скарб поближе к лестнице, ведущей вглубь острова.

Рассматривал два варианта переброски своего добра: один – это переноска на своих двоих с полной разборкой плота на месте; второй – это рискнуть отбуксировать плот по воде к самому острову. Первый вариант более трудоемкий и долгий. Второй быстрый, но рискованный. Учитывая моё побитое, плачевное состояние здоровья, (всё тело ныло, мышцы болели, и ощущалась общая слабость) решил рискнуть и перебраться по воде.

Ветер был еле заметным и дул сейчас вовнутрь изгиба ко-сы. Нужно торопиться, пока не поменялось ничего. Я с боль-шим трудом столкнул плот в воду, а веревку, которой он был привязан к дереву, перекинул через плечо и потащил, как бурлак по Волге, свою баржу. Ветер отгонял плот от мелко-го берега, а вперед он двигался с помощью одной человече-ской силы. Не быстро, но довольно легко мы продвигались к конечному пункту назначения. Через час я уже вытаскивал плот на берег.

Первым делом разобрал лежак, сняв тент и смотав его в рулон. Под фанерой в два ряда стояло восемь пластиковых бочек с узким горлом, напичканных самым ценным скарбом: мелочи, так необходимые отшельнику. Развязав их, перенес к подножию импровизированной лестницы. Затем освободил бочки с водой и с инструментами, они были тяжелей, и их пришлось перекатывать, но затащить в лес по лестнице я их не смог бы. Не страшно: перетащу содержимое поштуч-но, а бочки пойдут под сбор воды. Разобрал плот по частям. Доски в одну сторону, мешки в другую, балки и брус в тре-тью.

Через некоторое время готовил себе на костре обед, неда-леко от вершины лестницы, под тенью кокосовых пальм, раз-глядывая свое добро, разложенное на песке внизу.

Когда до захода солнца оставалось не более часа, все мои пожитки были подняты наверх и аккуратно сложены под пальмами. Я по образу обстановки на плоту воссоздал спаль-

ное место и зону очага. Поставил бочки в два ряда, сверху фанера и лежак готов. Над этим сооружением натянул тент, поддерживаемый жердями и поставил второй тент в виде той же буквы п, защитив кострище не столько от ветра, сколько ради светомаскировки. Получилась смена обстановки с сохранением привычного уюта. На этом моя спешка и суэта закончилась, так я решил для себя.

Теперь – спокойный ритм жизни в своё удовольствие.

Я сидел на берегу и любовался закатом, а рядом потрескивал костер, отбрасывая искры в вечернее тёплое небо. Спал прекрасно, ничто не побеспокоило мой сон за ночь. Утром почему-то вспомнилась металлическая бочка, оставшаяся плавать недалеко от моего места причаливания. Ведь она была наполнена чем-то, если её притопило. Конечно, может там вода, но если она закрыта плотно крышкой, то есть вероятность наличия горючей жидкости, например соляра или бензин мне бы пригодились в хозяйстве. Я вышел на берег и взгляделся вдаль. Бочка была видна, но немного переместилась дальше и если не выкатить на берег, завтра её может унести течением или ветром за край косы. Через двадцать минут я уже пытался отвинтить крышку бочки. Руками этого сделать не получалось и теперь я махал молотком и зубилом, понемногу откручивая её по резьбе с каждым ударом. Но вот она поддалась и дальше пошла от руки. Почувствовался знакомый запах бензина. Удачно. В бочке было примерно литров восемьдесят навскидку. Катить по берегу её было тяже-

ло. Нашел в песке обрывок веревки, обмотал вокруг бочки и уже привычным способом побурлачил по воде.

Вторым прямоугольным предметом, валявшимся на берегу после шторма, был пластиковый контейнер для мусора, такой, каких много стоит в городах на улицах для стекла, пластика и бумаги. Этот был синего цвета, но для какого мусора именно синий контейнер, я не помнил, да и всё равно мне уже было. Я думал только о том, когда его забрать. Во мне уже говорил внутренний голос собственника, хозяина острова и то, что мне сегодня предлагал океан, завтра он заберет, наверное, что бы предложить еще кому-то. Как на рынке, не ты, так другой возьмет, только здесь бесплатно. Меня развеселили собственные рассуждения о рыночных отношениях с океаном.

Ну раз он не будет предлагать «товар» дважды, то мне нужно научиться не испытывать его терпение. Дотащив бочку до места и подняв, то есть, закатив её под тень кокосовых деревьев, я вернулся к «бизнесмену» бескрайних просторов. Зашел по колено в воду, положил правую руку на грудь, а левую протянул в сторону океана и громко прокричал клятву:

– О, великий океан! Клянусь, принимать от тебя предлагаемый товар сразу и не раздумывая, а взамен обещаю содержать остров в чистоте, ненужное сжигать или отправлять дальше другим нуждающимся в твоих вещах. Клянусь! Клянусь! Клянусь!

Ну, и, чтобы не нарушать своей клятвы, сразу же напра-

вился за контейнером в очень приподнятом настроении, решив ежедневно обходить свои владения, следуя клятве, данной океану. Продолжая веселиться, придумал шуточное название острову. «Остров Плюшкина». Слышал еще в детстве, как сторожа нашего интерната многие называли за глаза Плюшкиным и я считал, что это его фамилия. А когда однажды на собрании его поздравляли с юбилеем и называли другой фамилией, я возмущался и переспрашивал у всех, почему, ведь он Плюшкин, а не Пупкин.

Все смеялись, а я не понимал, в чем подвох, пока ребята не объяснили глупцу, в чем дело.

Его сторожка всегда была окружена разными вещами: рамами от велосипедов, старыми шкапами и автомобильными покрывками, но руководство интерната к нему относилось лояльно, потому что он часто радовал детишек произведениями собственного творчества. Многочисленные резиновые лебеди из покрывок, правильно разрезанные и покрашенные в белый цвет, красовались в парке у пруда, а велотренажеры и различные турники радовали будущих спортсменов. С тех пор я знал, что человека, который тащит в своё хозяйство нужный и ненужный хлам, обязательно зовут Плюшкин.

Мусорный контейнер был без откидной крышки с продольной трещиной вдоль одной стенки и отколотым углом в днище. Воды в нем не хранить, но, как большая клумба или ящик под перегной, подойдет замечательно.

Стоп. Клумба. У меня в холодильнике осталась сморщенная проросшая картошка, которую я уже месяц назад собирался выкинуть в воду, потому что есть её уже было невозможно, но, посмотрев на ростки и сжалившись над живым ещё овощем, борющемся за существование, решил сохранить и переложил в холодильник на солнечной батарее. Она хоть и слабо охлаждала, но всё же градусов на пять-семь понижала температуру воздуха внутри корпуса. Положил и забыл. Нужно срочно проверить и, если она еще жива, посадить в землю. Картофель мне не помешает, как и другие овощи и фрукты в моем рационе. Благо, семян у меня имеется достаточно.

Но картофеля не будет на столе, если плоды уже пропали и не вырастут.

Я зацепил ящик веревкой и потащил по берегу к острову. Он был легкий, и проблем не возникало с его транспортировкой.

Сразу достал холодильник, открыл крышку, вытащил содержимое, из самого низа вынул картонную коробочку с картошкой. Вид был удручающий: три из шести успели сгнить, а оставшиеся не внушали надежды. Они были похожи на грецкие орехи, только с мягкой скорлупой и тонкими ниточками белых ростков, вот-вот готовых отвалиться.

Посадил я их в землю, насыпанную в пластиковую шестилитровую банку, разрезанную пополам. Обильно оросил водой и поставил в тень под пальму на один из выступающих

корней, который так услужливо возвышался над землей рядом с моим временным лагерем и своим изгибом был как раз удобной подставкой для импровизированного цветочного горшка. Надежды на всходы почти не было, но вдруг...

Подходило время обеда, судя по позывам моего желудка. Как здесь незаметно пролетало время. Да и бог с ним, мне больше спешить некуда, к этому стремился и мечтал: жить в своё удовольствие и для себя, не оглядываясь ни на законы, которые придумал не я, ни на людей, которые что-то от тебя хотят и что-то постоянно требуют. Теперь не нужно улыбаться и, переламывая себя, кому-то льстить, преклоняться, угрожать, пугать. Теперь я один на один со своими законами, желаниями, страхами, радостями и невзгодами. Вот это и есть настоящая свобода. СВО-БО-ДА!!!

Место для постройки хижины я выбрал справа от озера, среди трех банановых пальм и с малым количеством кустарников. Проще будет расчищать будущий двор от сорняков и в дальнейшем поддерживать чистоту. До ручейка с пресной водой, да и до самого озера всего сто метров.

Пока у меня оставался приличный запас круп, лапши быстрого приготовления и консервов. Поэтому все силы были брошены на постройку жилья, не отвлекаясь на добычу пищи. Правда, я успел посидеть с удочкой у озера в перерывах между работой по расчистке. Ловилась рыбка и большая и маленькая, как в сказке. За полчаса рыбалки попало на крючок около десяти рыбешек разного размера, похожих

на селедку. Я, правда, их сразу отпускал, чтобы не тратить время на готовку. Наверное, её нужно подкармливать, чтобы ей всегда хотелось приплывать ко мне.

Иногда после чая, я бросал в озеро крошки от галет, потом наблюдал, как кормится рыба в прозрачной воде. Душу грела мысль, что голодным я точно не останусь, когда привезенные запасы еды закончатся. Мысленно в островной рацион уже были включены бананы, плоды хлебного дерева, кокосы, пальмовые крабы, может быть, черепахи и, естественно, рыба. Встречались на острове еще какие-то плоды, но что это, я не знал и только когда появится больше свободного времени на чтение, изучу по энциклопедиям, привезенным с собой, этот вопрос. Водились и птицы: чайки, крачки, маленькие разноцветные, не знаю, как обозвать, ну пусть будут воробьи. Судя по следам помета на скалах, предполагал, что прилетают гнездоваться еще какие-то крылатые-пернатые. Так что пища и вода есть. Да, с пресной водой предстоит еще потрудиться, что бы упростить процесс сбора. Сейчас я просто подвешивал на веревке пластиковую пяти литровку на отвесном берегу под капающую воду. Много воды, конечно, терялось, но пока мне хватало. Требовалось в будущем как-то объединить несколько ручейков в один, сделать одно русло. В общем, от скуки ближайшие пару месяцев я точно не умру, а дальше придумаем новые развлечения и цели.

Место под хижину расчищено, можно приступать к строительству. Следующее утро обрадовало меня картофельными-

ми побегами, которые заметно стали набухать и подниматься над землей. Пока только два ростка проявили стремление выжить, но и это был хороший результат, и прошло-то еще очень мало времени, может и третий раскачается.

Завтрак. Традиционный обход косы со сбором в сетчатый мешок мелкого мусора, пакетов, бутылок.

Теперь на стройку. Мне не хотелось устраивать пол хижины прямо на земле, как я видел в документальных фильмах и читал в руководствах по быстрой и простой постройке жилищ в тропиках. Мне казалось, что ночью может прийти краб и, перепутав меня с кокосом, оттяпать палец на ноге. Шутка. Да, здесь было относительно безопасно спать и на земле, но подсознательно желание жить немного выше над поверхностью присутствовало. Так как я собирался идти на поводу у своих прихотей и желаний, пришлось думать именно о возвышенном варианте.

Размер хижины два на четыре метра. Кривизна и несимметричность стен меня не смущала, но пол должен обязательно быть ровным. Донором станет мой дорогой плот: материал добротный и его хватит с лихвой не только на пол, но и частично на стены.

Строитель из меня был неважный, а заказать профессионалов было в моём положении проблематично, поэтому я был прорабом, проектировщиком и рабочим в одном лице. Разметил прямоугольник, выкопал восемь ямок под столбы и пошел на поиски ровных деревьев. Мне жалко было пилить

свои пальмы, а старые поваленные уже подгнили. Надежда на дары океана? Нужно пройтись посмотреть и заодно прихватить доски, которые я заметил еще в первый свой поход от плота до острова. Нужные стволы были найдены, распилены, доставлены и вкопаны.

Через пять дней моя хижина была практически готова. Оставалось завершить крышу, доделать лестницу, благоустроить внутри помещение и залечить мозоли на руках.

Крышу сделал односкатную, с наклоном на одну сторону, накрыл редкие и легкие доски тентом с плота, а сверху наложил пальмовых листьев, перетянул веревкой, тем самым придавив их. Плетенку я еще не научился делать, поэтому крыша выглядела архаично, но главное – не протекала. Внутреннее пространство делилось на две одинаковые комнаты, дальняя от входа спальня, где всё так же, как и на плоту, располагался лежак, водруженный на пластиковые бочки.

В первой комнате – гостиная, пока пустая. Мне предстояло смастерить мебель: стол, стулья, полки под разную утварь. Дверей тоже пока не было, их заменяла целлофановая занавеска, как и на трех окнах комнат. Обживусь еще, и Москва не сразу строилась, главное, что мне весь этот процесс нравился и доставлял какое-то почти детское удовольствие: лепишь себе куличики из песка да замки строишь и радуешься жизни.

Прошел месяц.

Моя хижина и пространство вокруг приобрело ухожен-

ный вид. Появился круглый забор вокруг домика из морской толстой сети высотой в метр. Зачем забор? А я и сам не знаю. Просто мне так захотелось, чисто эстетический вид. Почему круглый? Когда смотришь карты Гугл на компьютере, режет глаз прямоугольность всего: домов в городах, загородных участков, деревенских хозяйств, даже государственные колхозные поля и то прямоугольные и квадратные. Вот почему мой двор с круглым забором. Целый день провел я на косе, выкапывая и распутивая эту сеть. Даже, впервые за время пребывания на острове, умудрился сильно обгореть на солнце.

В хижине появились деревянные входные двери, петель не нашлось в бочке со строительным метизом, поэтому их заменил кусок пожарного рукава, прибитый вдоль всей длины косяка. На окнах красовались стеклопакеты собственного производства, изготовленные из деревянных реек, обшитых пластиком. Я вырезал их с прозрачных бутылок пятилитровок. Через мои окна проникало много света, но вот разглядеть что-то за окном, было проблематично. Поднимались они вверх и подпирались палочкой в открытом состоянии. Просто и сердито. За домом в пластиковом баке в насыпанной вперемешку с опилками земле поселились две выжившие картофелины и уже пустили довольно высокие стебли с зелеными листочками. Там же, вокруг бака, разработал несколько грядок и высадил в качестве эксперимента половину всех семян, купленных перед отплытием на рынке. На-

деюсь, мой стол не будет однообразным, если, конечно, хоть что-то взойдет и вырастет в этом климате.

Слева от входа в жилище красовалась своеобразная кухонная зона: на четырех столбах навес из пальмовых листьев, стол метр на метр, две лавочки, вкопанные в землю, и два пня для рубки дров и сидения. В трех метрах от навеса расположился очаг для готовки. Выложенные по кругу камни, и сверху две тоже каменные плоские плиты. В щель между ними закладывались дрова, ставилась кастрюля и готово. Я только не был уверен, что плиты выдержат долго нагрев и не треснут. Попозже придумаю что-нибудь более совершенное.

С появлением грядок, которые регулярно требовалось поливать, остро встал вопрос накопления запаса пресной воды. Дождь за всё время моего пребывания шел три раза. С одной только крыши хижины за день я собрал двести пятьдесят литров воды. Правильно завернутый с низкой стороны тент крыши делал свое дело. На озере, поработав полдня с зубилом и молотком, продолбил в каменном плато канавки в нужных местах, добился того, что три крохотных ручейка соединились в один. Теперь вода текла тоненькой струйкой, а не капала как раньше. После дождя поток, конечно, был большой, затем постепенно уменьшался, но полностью не исчезал. Под тем местом, где пресный ручей впадал в озеро, я оборудовал помост над водой из двух толстых жердей, застелив доской. Теперь не нужно наклоняться свер-

ху, что бы достать бутылку с накопившейся водой, а спокойно подходишь снизу по трапу и можно пить, подставившись прямо под летящие капли. Но я пошел дальше этого. На помост под ручей подставил столитровую бочку на подставке из пластикового ящика для бутылок, рядом вторую такую же бочку, но на десять сантиметров ниже первой, на коротких брусках, и третью сто литровку просто на трап. Каждая бочка получалась ниже предыдущей. Аккуратно ножом сделал в каждой бочке в десяти сантиметрах от верхнего края отверстие с таким расчетом, что бы садовый шланг, имеющийся у меня в наличии, плотно входил в емкость. Таким образом, соединил пока что три бочки в одну систему. Вода, наполнившись в одной, по шлангу перетекала во вторую, а затем и в третью. Теперь без моего участия могло накопиться триста литров пресной, вкусной воды и еще было место для усовершенствования системы, увеличения объема. Чувствовалась нехватка посуды под это дело. Мне пришлось свой лежак переделать в кровать на ножках, а сами бочки, освободив от продуктов и бытовых вещей пустить под мокрые нужды на озере и около хижины. Можно задействовать найденную металлическую, слив бензин в бутылки, но запах нефтепродуктов будет оставаться очень долго, в общем, не стал пока заморачиваться с этим вопросом, тем более, что воды хватало с излишком. Вечером я поливал огород, беря воду из бочек на озере, а утром излишки шли через край, пропитывая помост влагой.

Постепенно начал вырабатываться распорядок дня.

Просыпался я обычно с первыми лучами солнца. Разжигал очаг, или, если угли еще не потухли, просто подкидывал дрова, и он начинал тлеть снова. Мне нравилось, когда утром по моему лагерю гуляет дымок, даже если не собираюсь еще готовить. Совершаю утренний моцион, умывашки и всё такое, затем беру дежурный мешок и иду на обход косы в надежде на ценные и не очень подарки океана. Распуговиваю по пути черепах и крабов, внимательно оглядывая берег и горизонт на наличие посторонних предметов.

За все время горизонт меня не беспокоил ни разу, был чист. Видимо, остров был в стороне от океанских судоходных дорог. А вот на берегу всяких разных предметов всегда хватало. Я не переставал удивляться, до какой степени человек загадил природу, в том числе океан. Самый частый мусор – пластиковые бутылки всех мастей, размеров и форм, полиэтиленовые пакеты любых расцветок и всякий пластиковый хлам. Это всё отправлялось в мешок для мусора, относилось в специально выделенное место рядом с выходом на косу, ссыпалось в вырытую яму и время от времени сжигалось. Другие находки изучались и шли или в хозяйственный склад, или в топку с остальным мусором. Попутно собирался пловун. Дрова для очага увязывались в большие охапки и относились к хижине.

Вернувшись из обхода, брал удочку, шел на рыбалку к озеру, вылавливал несколько рыбешек, запекал их, или варил

уху, завтракал. Затем брался за работу по хозяйству: поливал огород, выдёргивал сорняки, плотничал – пока не становилось совсем жарко. В полдень дремал в хижине или читал что-нибудь на планшете, или слушал музыку. Когда жара спадала, снова выходил похозяйничать. Но всё было по желанию. Иногда откровенно ленился что-то делать. Тогда я просто ничего и не делал, быстренько поливал огород и снова ленился.

Солнечные гибкие панели давали возможность заряжать мои аккумуляторы и девайсы, электронную книгу, планшет и музыкальный миницентр, воспроизводящий музыку с многочисленных флешек, которых с собой я взял целую жмению. Вечером, когда всё вокруг погружалось во тьму, окна моей хижины озарялись бело-голубым приятным светодиодным светом, и лилась тихая ритмичная музыка. Я в это время занимался мелкой работой по дому, мастерил предметы из дерева, зашивал порванные вещи, чистил посуду, и обязательно делал записи в дневнике, который завел сразу после вселения в дом. Я вписывал в него каждый день по несколько строк о том, как провел день, что сделал, что интересного нашел на косе при очередном обходе, как растет урожай на огороде и описывал погоду. Вносил сведения о температуре воздуха, о наличии дождей и их частоте.

Мои запасы консервов медленно заканчивались, пришлось сократить и потребление риса, гречки, пшена. Но я готовился к этому, и мой огород тому подтверждение. Рыбу

нужно научиться не только употреблять сразу после вылова, но заготавливать впрок. Привезенная соль скоро закончится, поэтому нужно добывать её из морской воды, что я и начал делать. Набирал в пластиковые бутылки морскую воду из озера и когда не готовил на своем очаге, ставил на огонь кастрюлю, самую большую, что у меня была, литров на десять, с влитой туда водой и ждал, когда она выпарится. К вечеру я выпаривал аж десять граммов соли. Получалось меньше половины спичечного коробка, но всё же это был результат, и соль была обычная на вкус и крупная. В следующие дни я уже не выпаривал воду до конца, а доливал и доливал её несколько дней, пока она не становилась на вкус очень соленой (тузлук) до горечи, потом доводил процесс до победного конца. Так через три дня после выпарки получил почти полкило отличной соли. Можно, конечно, соорудить искусственный мелководный водоем под выпаривание естественным путем, ветром и солнцем, заслав дно целлофаном или брезентом, но я пока еще размышлял и экспериментировал, не спеша. А как в дожди быть? Ведь пресная дождевая вода время от времени будет разбавлять соленый концентрат, сводя на нет труды нескольких дней или недель. Много было о чем подумать в дальнейшем.

А сейчас я установил кастрюлю стационарно на очаге с краю, оставив место для готовки, а под нависающей частью дна смастерил каменную подпорку из плоских камней. Теперь солеварка не очень мне и мешала, но получала тепло

от огня и разогретых камней круглосуточно. Дров для поддержания было в избытке. Спасибо океану. Вечером перед сном старался подкинуть в очаг побольше толстых и мокрых поленьев, которые всю ночь тлели, иногда разгораясь только к утру, давая постоянный жар долгое время.

В очередной обход песчаных владений после шторма обнаружил на берегу еще одну двухсотлитровую металлическую бочку красного цвета из-под горюче смазочных материалов. Она была абсолютно пустой, но со следами моторного масла. Еще штормом вынесло огромный, метров шесть длинной, деревянный столб. Он был похожий на телеграфный, с обвязкой из двух металлических труб у основания и сломанной наполовину поперечиной, на которой остались две электрические чашки на металлических основаниях-крюках, вкрученных в дерево, на которых когда-то крепились провода линии электропередач. По-видимому, трубы являлись опорой столбу в земле и предотвращали дерево от гниения. Сам столб когда-то был пропитан смолой, но сейчас её оставалось мало на поверхности. Вода и песок в союзнчестве со временем отполировали его до блеска, словно мастер поработал наждачной бумагой, собираясь затем покрасить. Я заглянул в трубы на просвет. Одна была забита спрессованной землей с крупными камнями, вторая чистая внутри. Спасибо, океан, добротный товар – и я его забираю!

Прошло три дня. Я готовился первый раз коптить рыбу в новой, только что изготовленной коптильне на берегу озе-

ра.

Из найденной бочки я вырезал, точнее сказать вырубил, верхнюю часть (её потом использовал в качестве крышки на том же самом месте), а в нижней пробил дыру поменьше, под размер металлической трубы со столба. Бочку положил набок, обкопал землей, вставил трубу в днище с возвышением по склону в сторону хижины. Три метра трубы входили в каменный десятиметровый тоннель, который я выложил и засыпал землей. Он попадал в будку, где и должна была коптиться рыба. Диаметр тоннеля примерно такой же, как и у трубы: около двадцати сантиметров. Разжег в бочке огонь из мелких веточек и обрезков доски, оставшихся после строительства хижины. После того, как доска и ветки разгорелись достаточно жарким огнём, присыпал его опилками. Огонь погас, но обильный дым свидетельствовал о том, что процесс тления идет полным ходом. Первый час коптил вхолостую, без рыбы, тренировался в регулировке количества дыма и огня, который иногда прорывался из сизо-белых клубов. Когда возникали языки пламени, я прикрывал крышку чуть плотнее и пламя угасало, открыв побольше, добивался возгорания.

Затем повесил пять провяленных на ветру рыбин в будку и принялся коптить свой улов.

Первый раз не терпелось попробовать копченую рыбку, приготовленную своими руками. Это меня и подвело. Первый блин комом, говорят, вот и я достал продукт копчения

очень рано, примерно через три часа. После проветривания, запах дыма ощущался слабо, а мясо вообще не пропиталось.

Зато потом, набравшись опыта, я коптил не менее суток и по цвету мог сказать о готовности моего нового деликатеса. Развешенная для проветривания на жердях рыба радовала глаз и придавала моему двору хозяйский, что ли, более обжитой, более законченный вид.

Мой досуг на этом замечательном острове организовался сам собой, так что мне не было времени тосковать и скучать по прошлой жизни. И только в вечерние часы, когда я забирался на вершину небольшой скалы рядом с хижинкой любоваться заходящим за океан солнцем, не замечая даже за собой, погружался ненадолго в воспоминания и какие-то рассуждения на уровне подсознания, потом, очнувшись, гнал от себя не очень-то приятные картины прошлого.

Уже три месяца я в этом раю.

Вчера мне удалось подстрелить из рогатки крачку. То, что это была именно крачка, мне подсказала энциклопедия в электронной книге. Птица оказалась невероятно вкусной и сочной. Праздник живота удался на славу.

Большая тарелка риса, запеченная птица, бананы, кокосы, вяленая, копченая рыба, первый зеленый лук и укроп с собственных грядок приятно дополнили стол гурмана. Впервые за время пребывания на острове позволил себе к столу алкоголь. Развел водой немного чистого медицинского спирта и, когда солнце начинало тонуть в багровом океане на краю

горизонта, я произнес тост во славу своего прекрасного острова и, осушив стакан, принялся вкушать поистине королевский ужин под треск костра и тихую ритмичную музыку, льющуюся из маленького музыкального центра. Так как я не был любителем горячительных напитков, опьянел очень сильно.

Может, сказалась жара, или свежий воздух, или редкая тренировка в употреблении, но хмельное состояние было уж очень хмельным. Разговоры с самим собой, подпевание музыкантам с флешки, танцы у костра и мальчишеское дурачество до поздней ночи вспоминалось на следующий день с улыбкой. Ну а что, наелся, напился и повеселился до упаду.

Стыдиться было некого. Нужно иногда расслабляться. Только можно и без алкоголя, потому как на утро моё состояние было не очень здоровое, хоть и выпил-то всего один стакан водки, точнее сказать, разведенного спирта примерно сорока градусов. Спирт брался в путешествие исключительно в медицинских целях, а о спиртном, как о средстве поднятия настроения, я даже и не думал на старте.

С каждым днем становилось заметно жарче. Дожди шли реже и были скоротечны по времени. Если раньше мои бочки на озере, опустошенные при вечернем поливе огорода, за ночь наполнялись полностью, то сейчас только две, третья оставалась сухой. Требовалось вводить режим экономии, но как огород без воды? Посмотрел записи в дневнике. Среднесуточная температура поднялась с двадцати пяти до трид-

цати двух градусов за неделю. Скорее всего, я прибыл сюда в конце сезона дождей, а сейчас он закончился и мне грозит сезон засухи... наверное.

На всякий случай начал делать запас воды в пластиковые двух литровые бутылки по пять в день, благо этой тары было с избытком. Сам же прекратил любые дневные работы по хозяйству и выходил только рано утром и вечером перед закатом. В хижине было очень жарко, так как ветер, гуляющий по берегам острова, вглубь не проникал из-за скал, обрамлявших центральную часть, защищая от стихии. Мне пришлось уходить на день под тень пальм к своей лестнице, выходу на берег, к тому месту, где мне приходилось ночевать в первые дни прибытия. Здесь было прохладнее.

Это место продувалось ветрами.

Повесил между деревьев гамак и дневные часы проводил в чтении электронной книги, чередуя с непродолжительным сном, по полчаса или чуть больше. Раз семь за день бегал к озеру, что бы окунуться. Несмотря на то, что до океана было ближе, как говорится, рукой подать, мне спокойнее и комфортнее почему-то было плескаться в своем пруду. Поэтому, я преодолевал в пять раз большее расстояние и окунался в озере.

По уровню воды я наблюдал за отливами и приливами. Для этого погрузил и зафиксировал в воде вертикально длинную доску с насечками и цифрами, старательно вырезанными ножом. Множество мелочей, сделанных своими ру-

ками для упрощения быта, мало того, что помогали, но и радовали, скрашивали времяпрепровождение здесь. Я постоянно думал, что еще сделать для упрощения и удобства жизни. Соорудил тир в виде большого деревянного щита из старых досок. На щите полочки для бутылок. Стрелял из рогатки и духовой трубки, а так же метал ножи и гвозди. В общем, развлекался и тренировался одновременно.

Тот куст с красной ягодой, притягивающий постоянно мой взор, не давал покоя. Почему-то казалось, что я долгое время лишаю себя деликатеса. Мозг напоминал мне о вкусной ягоде. Но не нашлось информации в энциклопедии на планшете о данном растении. Решил рискнуть и, наконец, осторожно попробовать лакомство. Сорвал одну ягодку, осмотрел её со всех сторон: ягода как ягода. Понюхал – сладковатый запах, своеобразный аромат. Закинул в рот, раздавил зубами. Ощувив горьковатый привкус, тут же выплюнул не глотая. Не понравилась ягодка мне.

Разочарованный, пошел к хижине, но не прошел и десяти метров. Руки внезапно обвисли. Через секунду и ноги воспротивились мне. Падая на траву, я даже не мог подстраховаться руками, удивительно, что не поломал себе в тот момент ничего. Тело лежало на животе, подмяв под себя руки. Ног не видел вообще, так как внимательно изучал неподвижными глазами удивительный и таинственный макро – мир между травинок и соломинок, после того, как голова встретила с поверхностью планеты. Звук падающей головы был похож на упавший кочан капусты с высоты метр восемьдесят.

А в траве копошились букашки. Деловито метались, таскали какие-то стебельки, нападали друг на друга, чистили

перышки, не обращая внимания на парализованное чудовище, упавшее рядом с ними. Удивительно, что я раньше не замечал такого интересного мира под ногами. А нужно просто-напросто упасть мордой вниз, скосить глаза к носу, навести резкость и наблюдать. Страх не было. Было ощущение отдаленности разума от тела, внутренний голос говорил со мной, как с хорошим знакомым. С немым хорошим знакомым. Чувствовалась ирония и издевательство с его стороны.

– Ну что? Попробовал ягодку? А я тебе говорил, я тебя предупреждал... Вкусно? Ну и кто ты после этого? Бревно? Валенки? Мешок с картошкой? А почеси себя за ухом... Не можешь? Ха, ха, ха! Я говорил тебе... предупреждал... валенок... ха, ха, ха...

Потом свет пропал, стало темно. В темноте продолжал звучать голос, приглушенно, тихо, постепенно удаляясь и замедляясь, но всё равно с издёвкой и периодичным ржанием. Я слушал, не имея возможности ответить, или заткнуть уши руками. Мысли путались, сознание тонуло в темноте, вязло во мраке. Я засыпал или умирал, но мне было не интересно и не страшно.

Когда очнулся, не мог вспомнить, зачем я лег спать на земле, а не в хижине или хотя бы в гамаке у выхода на косу. Постепенно память возвращалась, и испуг запоздало пробил тело холодным потом. Что это было? Нервнопаралитический ягодный сок. Да. Меня парализовало от одной ягодки, кото-

рую я даже не съел.

Шок. Валялся без сознания я не долго, около двух часов. Сейчас самочувствие было сносное, как похмелье после вечеринки. Ныла шея, и саднил лоб, но в остальном, хоть сейчас в космос. Переживания после дегустации не давали покоя до самого вечера, а ночью не мог уснуть почти до самого утра, тоскливые мысли о смысле жизни мешали погрузиться в мир грёз. Но всё, что не делается, всё к лучшему. Сделаны выводы. Дикая природа преподала урок человеку, считавшему мир вокруг себя добродушным и приветливым. Урок удался. Жизнь продолжается.

Часть 2

Очередная партия повяленной рыбы, болтавшаяся на ветру около хижины, уже просилась в коптилку. Поэтому, проснувшись еще до рассвета, я заканчивал приготовления к копчению под светом налобного фонарика. Полуденная жара на острове немного изменила моё расписание дня. Работал я теперь до поздней ночи, а утром, часов до десяти, сбегал со своего двора под тень пальм к недавно подвешенному гамаку, где морской бриз дарил хоть немного прохлады. Приготовил растопку, повесил в коптильню улов, растопил печь, и, отрегулировав количество дыма, принялся попутно с копчением, рыбачить.

Сегодня, как никогда, был сильный отлив, такого падения уровня воды в озере я еще не видел. Рассвет наступает здесь внезапно, как и закат, за каких-то полчаса происходит смена дня и ночи. Клёв был слабый, если не сказать, что он был вообще никакой и я, держа удочку на весу, дремал, клюя носом, время от времени поглядывая одним глазом на поплавок. Диск солнца уже поднялся над океаном, освещая верхушку острова. Где-то через час солнце доберется своими лучами и до меня, преодолев прибрежные скалы и деревья, поднявшись выше над горизонтом. Еще через час настанет дневная жара и мне придется или терпеть, или прятаться от испепеляющего излучения нашего светила, которое подарило

жизнь этой планете. Я медленно погружался в сладкую дрему, как вдруг резкий и громкий звук заставил меня вздрогнуть и вскочить на ноги.

Он шел от озера и напоминал выдох огромного кита, когда тот выпускает воздух из себя с шумом и свистом. Затем этот звук перешел в булькающий, как будто кто-то погрузил огромный, с пол острова бутылку под воду целиком. Наконец я, придя в себя от неожиданности, увидел то место, откуда шел весь этот бедлам. Почти под самым помостом, на котором стояли бочки для воды в отвесной стене озера, вода бурлила, издавая целую какофонию звуков и пенилась, словно кто-то неведомый затеял здесь большую стирку, сыпанув стирального порошка для лучшего результата.

Сначала я стоял в нерешительности, отчаянно пытаюсь понять, что происходит. Проскочила догадка, что вдруг ожил старый вулкан, спавший тысячи лет. Да нет, не было ни подземных толчков, ни дыма, ни пара. Это что-то другое.

Странные звуки, напугавшие меня, постепенно становились тише. Я медленно подошел поближе, встал на помост и пригляделся в глубину, потом осторожно потрогал еще немного вспененную воду, обычная температура, потянул носом воздух. Не ощущалось и посторонних запахов. После мысленного анализа данного явления, оставил одну самую правдоподобную гипотезу, что это вышел воздух из подводного купола в скале ниже уровня воды в озере.

Вследствие необычно сильного отлива это пространство

открылось, а когда начался прилив, то лишний воздух просто-напросто выдавило под воздействием давления массы воды. Нырнув в воду, я действительно разглядел в отвесной скале овальное отверстие метра два в диаметре по самым широким сторонам. Но мой налобный фонарик не пробивал немного мутную еще воду дальше двух метров. Вынырнул.

Меня распирало любопытство, какой длины подземная пещера и куда ведет? Может именно здесь проникает вода из океана в озеро. Место я запомнил, теперь осталось снарядиться в экспедицию. Я недавно видел маску и ласты в своих вещах, но не помнил, куда их положил. Мне так и не удалось ими воспользоваться ни разу, да и нужны ли они мне сейчас? Ласты, может, и нет, а вот в маске будет видно хорошо. И фонарь обязательно мощный взять. Я вернулся в свой лагерь и извлек из недр хижины пару ласт, маску с трубкой, нож, и фонарь-прожектор.

После недолгих приготовлений я нырнул с помоста в соленую воду озера.

Фонарь осветил внутренности подводной пещеры и я, не теряя времени на раздумья, вплыл в своеобразный коридор. Через полминуты я вынырнул по другую сторону тоннеля. Надо мной нависал почти правильной полусферой каменный купол, небольшой, но дотянуться до свода над собой я не смог. Осветив пространство вокруг себя, заметил еще один проход немного правее по ходу моего движения. Вода чуть-чуть не доходила в том месте до свода пещеры

и я, набрав полные лёгкие воздуха, снова поплыл под водой. Буквально через метров пять, снова вынырнув, очутился в огромном подземном зале, где можно было выбраться из воды, ступить на берег и встать в полный рост, что я и сделал. Сердце моё трепеталось от восхищения, от осознания того, что может быть за многие сотни лет, я первый человек, проникший сюда. Меня переполняли эмоции, и тяга первооткрывателей манила вперед изучать неизведанное.

То, что эта пещера именно вулканического происхождения, я перестал сомневаться, глянув себе под ноги. Я стоял на когда-то застывшей лаве. Волнистые переходы с уровня на уровень, имитирующие фигурные ступеньки, свидетельствовали о том, что потоки раскаленной массы, доходя до этого места, остывали и, теряя свою вязкость и текучесть, накладываясь друг на друга, замирали на века, создавая плавные перепады поверхности пещеры.

Разглядывая узоры рельефа пола и подсвечивая фонариком, я вдруг ощутил боковым зрением, что темнота вокруг меня не совсем уж непроглядная. Выключил фонарь и убедился в этом. Сквозь потолок в соседнем зале, который был правее и выше, пробивался свет с поверхности, и лучи солнца играли на переливающейся каменной породе. Я поёжился. Было прохладно. Казалось, что вода была намного теплее внутреннего воздуха пещер. По камням босиком ходить было опасно, виднелось множество острых как бритвы кусочков камней, отвалившихся с потолка и стен. На один из них

я умудрился наступить и хоть не порезался, но порцию боли получил изрядную. Постояв еще минут пять, тихо восхищаясь красотой и размерами внутреннего пространства пещеры, побрел назад к водному portalу или входу в подземный мир. Нужно будет подготовиться получше и вернуться с исследовательской миссией снова.

При выключенном фонаре вода подземного озера светилась приятным голубоватым светом и притягивала взгляд. Фонарь, ласты и нож оставил здесь на уступе у края поверхности воды, а сам нырнул в светящуюся воду и через полминуты сидел на своем помосте, облокотившись спиной о пластиковую бочку, в которую монотонно капала пресная вода.

Дым из коптилки почти не шел, солнце припекало изрядно, а там, в пещерах прохладно, тихо, и даже как-то уютно. Так не хотелось возвращаться к повседневным заботам, когда тебя ждут новые открытия и исследования.

Захотелось есть. Да, я же еще не завтракал. Огород не поливал и мусор по берегу не собирал. Вспомнились сразу все повседневные заботы, которые раньше приносили мне удовлетворение и радость, а сейчас немного тяготили и мой мозг искал отговорку, что бы откrestиться от рутинных дел.

Но здравый смысл всё же победил.

Если с завтраком и вообще с едой можно повременить, то с растительностью на моём огороде лучше не шутить. Стоит один раз не полить посеы в такую жару и можно быстро лишиться половины всего урожая. И потом, прекрасное время

для исследований будет в полуденную жару, вместо валяний в гамаке и ничего не деланья.

Решено. Я растопил заново коптилку, затем поставил воду на огонь у хижины, пополнил солеварку до краев, взял ведра и пошел на полив «плантаций» укропа, петрушки, картофеля и других овощей и фруктов. Картофель, как ни странно, чувствовал себя прекрасно в мусорном контейнере. Два выживших клубня разрослись так, что я уже подумывал пересаживать их в землю, чтобы они не мешали своей ботвой друг другу. После полива, взяв мешок, побрел по берегу косы, исполнять клятвенное обещание океану. Он тоже приготовил сюрприз мне сегодня. И не один.

Сразу напротив входа, метрах в ста, виднелся в воде какой-то большой, тяжелый куб, желтоватого цвета. Только подойдя вплотную, разглядел его. Это была пачка обрезной толстой доски, пять сантиметров толщиной. В длину метров шесть. По количеству, наверное, около сотни досок. Весила стопка прилично, изрядно пропитавшись водой. Еще неделю болтаний по волнам и она, не доплыв до берега, пошла бы ко дну. Перевязана пачка была в трех местах толстой, с мизинец толщиной проволокой, очень аккуратно и крепко, да и еще под воздействием воды доска разбухла так, что проволока впиалась в дерево, как в масло и была натянута, как струна. Строительный материал хороший, но почему именно сегодня? Про себя выругался, а вслух выкрикнул кучу благодарностей в сторону океана. Вот так всегда в жизни бывает – тя-

нуться минуты, часы, дни, и ничего не происходит, а потом — бах!!! Куча событий врываются в размеренный распорядок ураганом, руша все планы, насыщая жизнь движением, суетой, проблемами и радостями. Причем события эти не связаны друг с другом по типу причинно-следственной связи. Абсолютно разрозненные события, но почему-то свершающиеся в один миг, момент времени.

Привязав куском веревки пачку досок к петле толстого каната, выглядывающего из песка и намертво вросшего в него, пошел дальше, решив по возвращении с обхода заняться переноской. Но на этом подарки еще не закончились, понял я, окинув взглядом изгиб косы и увидев еще что-то желтовато-синее, маячившее в километре от меня.

Если бы я мечтал о спасении со своего необитаемого острова, радости от такой находки не было бы конца, я на коленях благодарил бы Бога за такой подарок. Но я не собирался покидать свой рай, поэтому спокойно отнесся к выброшенному на берег предмету.

Это был прогулочный катамаран.

На похожих в детстве мы часто катались в парке по пруду, разгоняя в стороны уток.

Педальный привод и четыре сидения, прикрепленные поверх двух пластиковых длинных поплавков из пластмассы. Смотрелся он вполне прилично и был на плаву, только кренился немного на один бок. По-видимому, в один из поплавков попала вода. По бокам на бело-синем корпусе красова-

лись цифры 33. Больше никаких обозначений.

На нем, конечно, по океану не поплаваешь, но вот рыба-чить на озере, так, для смеху, будет интересно, а если и педальный привод работает, вообще будет красота. Собственный водный аттракцион, да еще и бесплатный.

Затащив катамаран повыше, подальше от волн и немного понаблюдав, как из небольшой трещинки в поплавке выливается вода, побрел дальше.

Третий подарок ждал меня на самом конце косы. Лучше б он проплыл сразу дальше, взяв правее всего метров на пятьдесят.

Это был буй. Радиобуй. Небольшой вытянутый корпус с предательски ярко мигающей лампочкой на самой верхней точке. Еще толком не изучив саму находку, я принялся оглядывать горизонт, боясь увидеть там хоть какую-нибудь точку. Но, слава Богу, горизонт был чист. Да не нужно мне спасение, спасибо большое!

Подробно изучив инструкцию, выведенную на корпусе устройства, так ничего и не поняв в заморских иероглифах, перетащил прибор на другой берег косы, зашел в воду по пояс и отпустил его восвояси. Гостей только мне и не хватало в виде спасательного корабля или вертолета. Буй постепенно и как-то неохотно отдалялся от берега, тоскливо помигивая своим маячком, словно не хотел бросать только что приобретенного друга.

– Плыви, плыви, – сказал я ему. – Кому-то ты будешь нуж-

нее. Прощай!

Провожая взглядом удаляющийся радиобуй, я тревожно рассуждал о вероятности моего обнаружения из-за этой встречи. Сколько времени он сигналил с острова? Думаю, что не больше одной ночи. Ведь вечером осматривал остров со своей излюбленной возвышенности, пил чай и любовался закатом и, лишь когда совсем стемнело, вернулся в хижину. Мигание в темноте заметил бы обязательно, даже боковым зрением. Значит, он причалил после моего ухода, то есть, ночью или утром. Это неплохо. Значит, наблюдающие за ним люди, могли и вовсе не заметить остановки движения. Ну, пусть будет именно так. Я еще раз оглядел горизонт, потом буй, превратившийся в маленькую, чуть различимую черную точку, развернулся и побрел обратно, к своим, более нужным находкам, к своим интересным делам, к своей второй, наполненной новым смыслом, жизни, в которой мне не нужны были посторонние люди извне, даже с самыми благими помыслами и намерениями.

Только дотащив катамаран до своего склада полезных вещей, я вспомнил, что так и не позавтракал. Вода наверняка выкипела из чайника.

Наскоро перекусив, подготовился к изучению пещеры. Сложил вещи в непромокаемый брезентовый мешок. Берцы, армейские штаны, ветровку, два налобных фонаря и один карманный типа полицейского. Постарался выпустить максимально воздух из упакованного мешка, сев на него всем

весом и завязал клапан.

Привязал один конец веревки к карабину на мешке, а второй оставил в руке. Бросил мешок в воду, а сам нырнул в открытый зев пещеры.

Выбрался из воды, сел на краю, нащупал фонарь, оставленный накануне, включил. Внутри было всё так же тихо и прохладно. Плавными движениями рук смотал веревку, и мешок с вещами послушно перебрался вслед за мной в подземелье. Переодевшись в своё походное обмундирование, двинулся на изучение внутренних ходов и пустот. Правее зала, из которого я начинал обследование, находился, чуть выше метра на полтора второй зал. Он был примерно такого же размера, как и первый, но с более низким потолком. То есть потолок у них был как бы один, а пол на разных уровнях. Оба имели неправильную округлую форму и в диаметре: от десяти до пятнадцати метров. Свет проникал через небольшое отверстие в своде. Прямых солнечных лучей видно не было, как и голубого прозрачного неба. Нужно будет в следующий раз захватить длинную палку или ветку, вставить в щель и снаружи попробовать определить место.

Два тоннеля обнаружили в дальней стене пещеры, которая смотрела в основание бывшего вулкана, один, что левее, вел на подъем и был широк в поперечнике. Я не мог дотянуться руками до противоположных стен одновременно, и такая ширина сохранялась столько, сколько мог выхватить картинку мой фонарь. Второй был ниже и уже, и находил-

ся правее метра на три и уходил в толщу породы почти под прямым углом относительно первого. Я даже смог представить себе, как тысячи лет назад раскаленная лава, вырываясь из недр земли, течет могучим широким потоком, перетекая через край кратера. Часть раскаленного ручья несется по склону, сметая на пути все преграды, деревья, камни, превращая всё в жидкое, расплавленное состояние, как и она сама, и, в конце концов, срывается в океан, поднимая тонны пара на многие километры ввысь. В то же время еще одна часть потока находит пустоты в земле и, повинувшись силам гравитации, стремится вниз, в недра, выскивая легко расплавляемые породы и превращая их в себя, проделывает замысловатые ходы, прокладывая себе путь в неизвестность.

На том месте, где стою сейчас я, лава разделилась на два потока, один налево к подземному озеру, создавая кучу пара и огня, второй направо, в более малый проход, пытаюсь захватить своими горячими алыми щупальцами как можно больше пространства, словно живое существо. Ладно. Если как получают тоннели при движении раскаленной массы вулканических пород, я представлял отлично, то про эти огромные залы картинка у меня не шла. Скорее всего лава накапливалась не находя выхода, останавливалась в своем безумном движении на некоторое время, выплавляя всё вокруг себя, а потом прорывалась и неслась дальше, оставив после себя пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.